

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

4

1965

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

В. И. РАСПОПОВА

ПОЯСНОЙ НАБОР СОГДА VII—VIII вв.

Древнетюркские памятники и византийские источники рассказывают о тюркских завоеваниях VI в. в Средней Азии. Согд входил в политическую систему древнетюркских каганатов (середина VI — середина VII в.), а во второй половине VII—VIII в. был тесно связан с западнетюркскими государствами Семиречья и, в меньшей степени, с восточнетюркским каганатом. Связи тюрков и согдийцев нашли отражение в материальной культуре, в том числе в появлении у местного населения наборных поясов.

В раннем средневековье наборный пояс был характерным атрибутом воина-кочевника степей Евразии. Поэтому изучение наборного пояса у согдийцев — народа с древней земледельческой культурой — связывается с более общей проблемой взаимоотношений культур оседлых и кочевых народов. Настоящая работа основывается на материалах, собранных главным образом при раскопках Пенджикента, с привлечением находок с других памятников Средней Азии.

Пенджикентские находки. При раскопках зданий верхнего слоя Пенджикента постоянно встречаются предметы поясного набора: пряжки, наременные наконечники и накладные бляшки. С 1954 по 1962 г. их найдено 54 экз. Все они были обнаружены по одному в различных помещениях разных частей городища¹.

Если сравнивать число предметов из Пенджикента с коллекциями из могильников Сибири или юго-восточной Европы, то покажется, что пенджикентские находки малочисленны. Но, учитывая, что в слой городища эти вещи попадали случайно — когда они терялись или ломались, — можно сделать вывод о широком распространении наборных поясов у согдийцев. Наборные пояса часто изображаются и в живописи.

Подобные вещи встречаются на других поселениях Согда: Варахше², Батур-Тепе³ в замке на горе Муг⁴ и на городище Афрасиаб. Большая коллекция таких вещей, происходящая, по-видимому, с городища Афрасиаб, хранится в Республиканском музее истории культуры и искусства Уз. ССР в г. Самарканде.

¹ А. М. Беленицкий. Раскопки согдийских храмов в 1948—1950 гг. МИА, 37, 1953, рис. 9; его же. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951—1953 гг.), МИА, 66, 1958, рис. 35; его же. Археологические работы в Пенджикенте. КСИИМК, 55, 1954, рис. 5; его же. О раскопках городища древнего Пенджикента в 1956 г. Тр. ИИАЭ АН Тадж. ССР, 1959, ХСІ, 4, рис. 8; его же. О работе Пенджикентского отряда ТАЭ в 1959 г. Тр. ИИАЭ АН ТаджССР, 1961, XXXI, рис. 9.

² В. А. Шишкин. Варахша. М., 1963, рис. 9.

³ А. М. Мандельштам. Раскопки на Батур-Тепе в 1955 г. ТИИАЭ АН ТаджССР, XIII, 3, 1956.

⁴ М. Б. Бентович. Находки на горе Муг. МИА, 66, стр. 370, рис. 5.

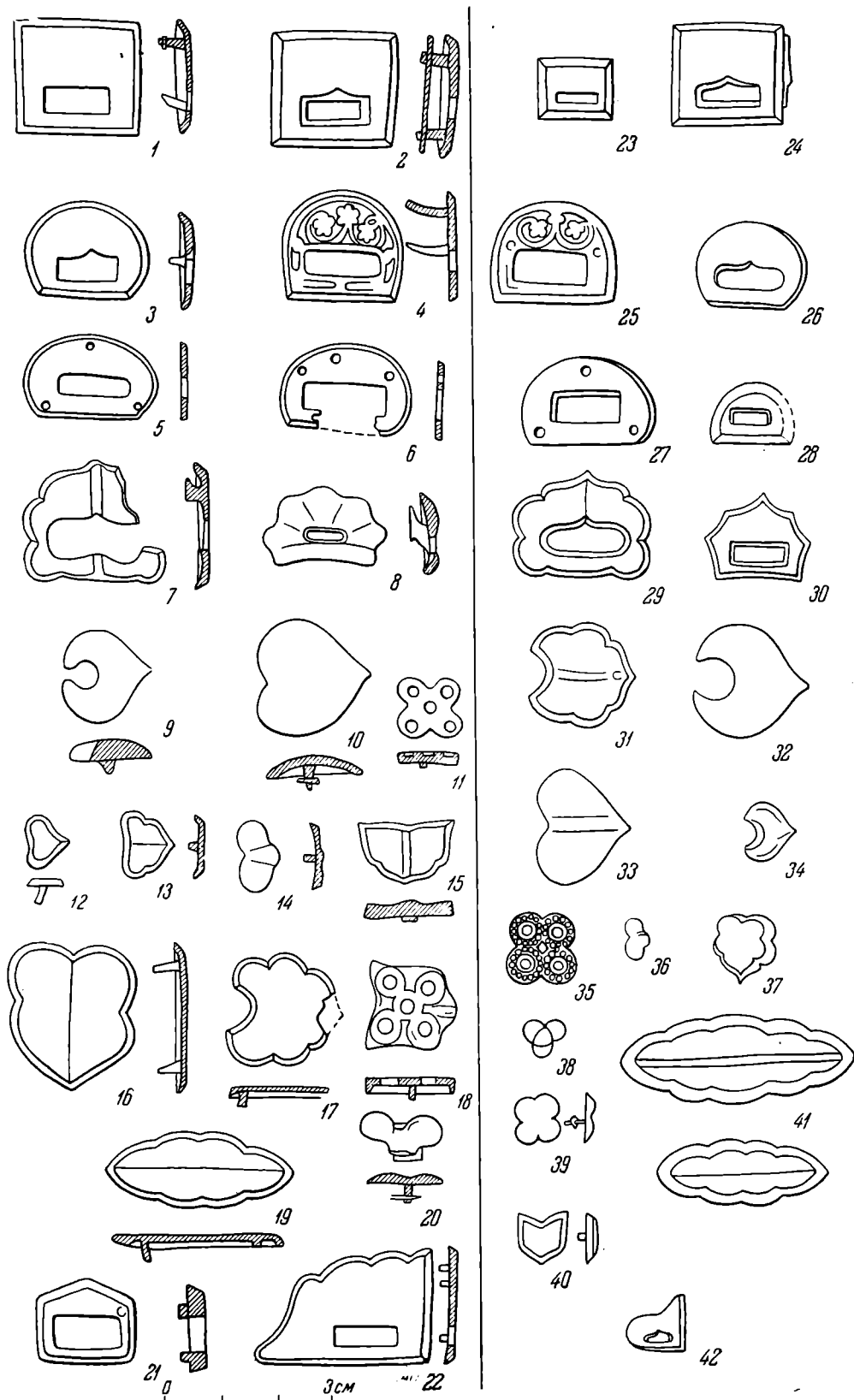

Рис. 1. Накладные бляшки

1—6, 11—16, 18—22 — Пенджикент; 7—10, 17 — Самаркандский музей; 23 — Копенский чаа-тас; 24, 26, 27, 29—31 — Томский могильник; 25 — тюркское погребение на Александровском городище; 28, 36, 39, 40 — Капчалы I; 32, 33 — погребение с конем в Чуйской долине; 34, 37 — Курай; 35, 38 — Кудыргэ; 41—42 — Туяхта

Части наборных поясов отлиты из бронзы. Общей особенностью большинства бляшек, наконечников и щитков пряжек является край в виде скошенной грани. Наиболее разнообразны накладные бляшки. Для Согды характерны семь типов бляшек (рис. 1).

1. Прямоугольные с узкой прямоугольной прорезью в нижней части. Прорезь иногда имеет небольшой мысок в верхней стороне. Одинарные прикреплялись к ремню шпеньками, двойные (состоящие из двух пластин)

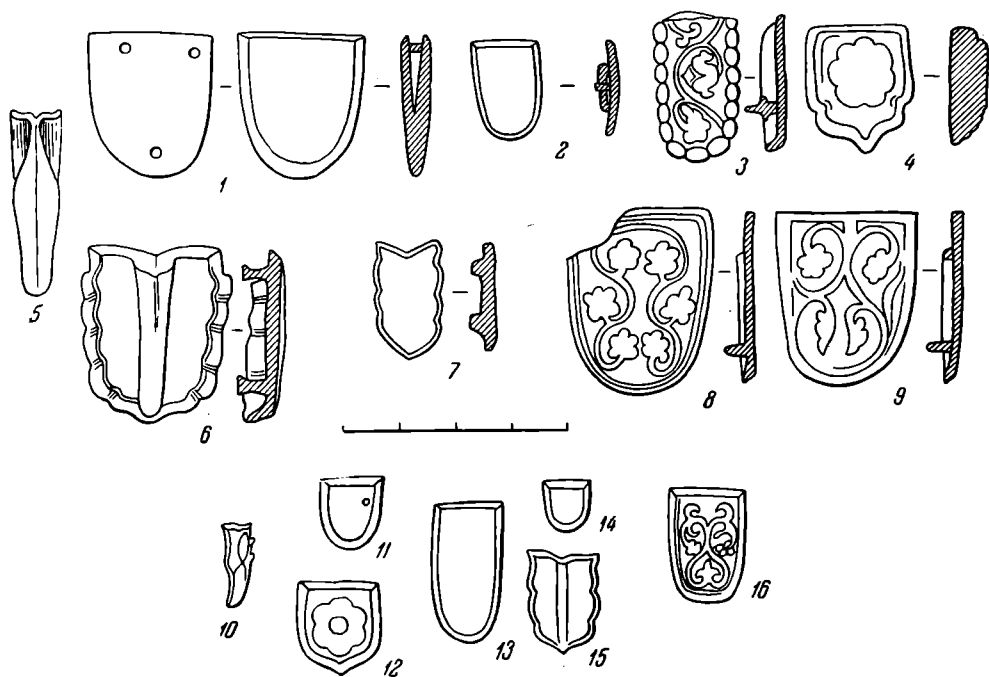

Рис. 2. Наконечники ремней

1, 2, 5—7 — Пенджикент; 3, 4, 8, 9 — Самаркандский музей; 10—11 — Курай; 12 — Копенский чаа-тас; 13—14 — Капчалы I; 15 — Джаргаланты; 16 — Томский могильник

тин) надевались на ремень, иногда пробивались шпеньками вместе с ремнем (рис. 1, 1—2) (10 экз. в Пенджикенте).

2. Полукруглые со срезанной нижней частью и с прямоугольной прорезью. Имели шпеньки или отверстия для нашивки. Двойные надевались на ремень (рис. 1, 3—6) (7 экз. в Пенджикенте).

3. Полукруглые со срезанной нижней частью и фестончатый край, имеют прорезь. Как и последующие типы, снабжены шпеньками (рис. 1, 7—8) (4 экз. в Самаркандском музее).

4. Сердцевидные (рис. 1, 9—10) (3 экз. в Самаркандском музее).

5. С фестончатым краем, представляющие собой усложненный вариант сердцевидных (рис. 1, 13—17) (6 экз. в Пенджикенте).

6. Овальные узкие удлиненные с фестончатым краем и продольной рельефной полоской (рис. 1, 19) (2 экз. в Пенджикенте).

7. Прямоугольной формы с крестовидной прорезью и петлей для подвешивания каких-то предметов к поясу (рис. 4, 1—2) (2 экз. в Пенджикенте).

Наконечники ремней: 1) удлиненной формы с округлым концом как гладкие, так и орнаментированные (рис. 2, 1—3, 8—9) (14 экз. в Пенджикенте, из них один орнаментирован); 2) с фестончатым краем (рис. 2, 6—7) (2 экз. в Пенджикенте); 3) массивный, орнаментированный со схематически изображенным цветком (рис. 2, 4) (1 экз. в Самаркандском музее).

Большинство наременных наконечников крепилось к ремню заклепками, некоторые же состоят из двух пластин, скрепленных заклепками.

Пряжки. Все с подвижными язычками, большинство цельноотлитых, т. е. с неподвижным щитком. Различаются три типа пряжек.

1. Щиток подпрямоугольной формы имеет большой вырез. Рамка овальной формы. Ремень продергивается в отверстие на щитке (рис. 3, 1—4) (3 экз. в Пенджикенте).

2. Щиток удлиненной формы с округлым или заостренным концом, рамка овальная. Пряжка крепилась к ремню шпеньками (рис. 3, 5—6) (2 экз. в Пенджикенте).

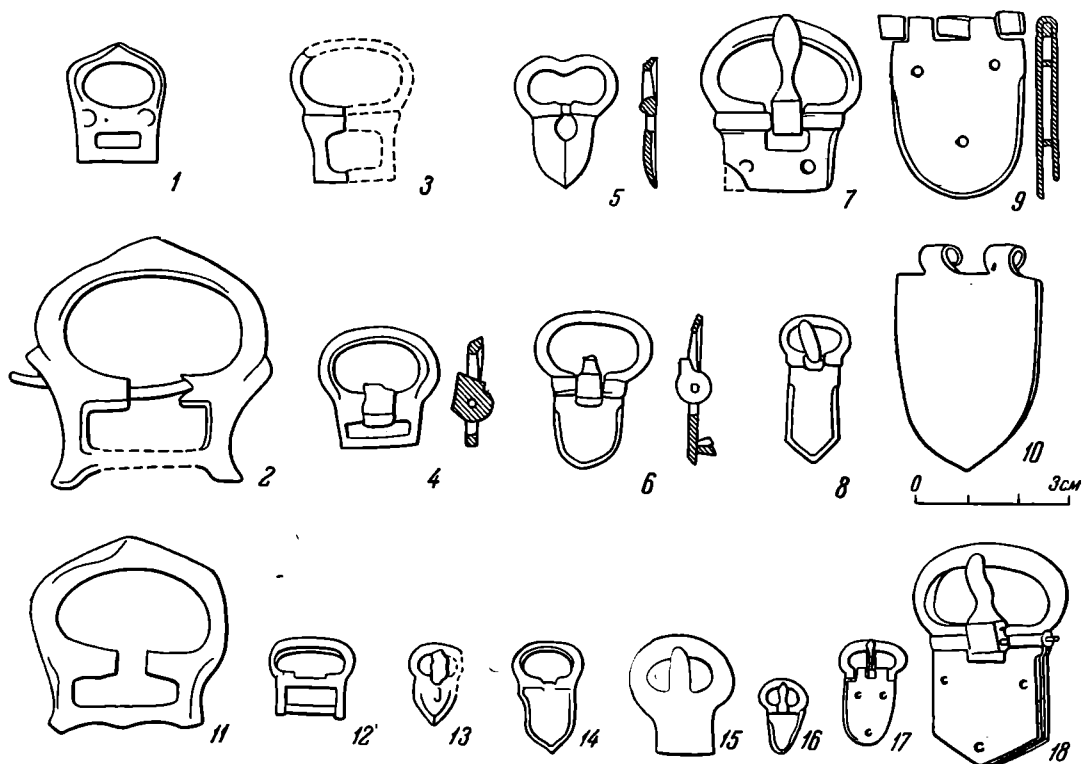

Рис. 3. Пряжки

1—3, 6—10 — Пенджикент; 4, 5 — Самаркандский музей; 11 — Сукулук; 12, 17 — Копенский чаа-тас; 13, 14 — Капчалы I; 15 — каменное изваяние из Тувы; 16 — Курай; 18 — Томский могильник

3. Щиток короткий с прямым концом, рамка большая овальная. Крепилась к ремню шпеньками (рис. 3, 7) (3 экз. в Пенджикенте).

Пряжки с подвижным щитком представлены в пенджикентской коллекции тремя удлиненными щитками с округлым концом, прикреплявшимся к рамке шарниром (рис. 3, 9—10).

Слои на городище Пенджикента, для которых характерны части наборного пояса, хорошо датированы монетами со второй половины VII в. по 70-е годы VIII в.⁵ На VI объекте, как это устанавливает Б. Я. Ставиский, жизнь прекратилась в основном к 720—730 гг., но состав находок деталей поясного набора с этого объекта не отличается существенно от состава таких находок на других объектах.

70-е годы VIII в. — конец жизни города, но едва ли конец распространения таких вещей в Согде. К последнему периоду жизни города относятся слои на III, IX, XII объектах.

Известно, что наборные пояса в VI—IX вв. были распространены на огромной территории: от Японии — на востоке — до Венгрии — на западе. Однако прямые аналогии согдийскому поясному набору имеются только

⁵ О. И. Смирнова. Монеты древнего Пенджикента. МИА, 66, стр. 270—271. Следует отметить, что во всех комплексах наряду с ранними монетами были найдены монеты VIII в.

в материалах из погребений VII—IX вв. тюркских народов Сибири, Центральной Азии и Семиречья — в могильниках Курай и Туяхта⁶, Катанда⁷ на Алтае; в чаа-тасе у с. Копены⁸, в Капчальском могильнике⁹ на Енисее; в могильнике на Архиерейской заимке около г. Томска¹⁰; в погребениях Тувы¹¹; в могильниках Монголии¹²; в тюркских погребениях Семиречья¹³ и слоях VII—IX вв. городищ Семиречья¹⁴.

Ассортимент поясных бляшек и наконечников в сибирском материале более разнообразен, чем в согдийском. Здесь вещи найдены в погребениях, и поясной набор (в том случае, если погребение не ограблено) представлен полностью. Поясные наборы в богатых погребениях сделаны из золота или вызолоченного серебра, часто орнаментированы и разнообразны по форме. В Согде найдены только бронзовые вещи. Но и в Сибири для рядовых погребений характерны пояса с бронзовыми или серебряными бляшками прямоугольной и полукруглой форм с гладкой поверхностью¹⁵. Бляшки этих форм есть во всех погребениях Сибири и Семиречья. В Согде также наиболее часто встречаются бляшки прямоугольной и полукруглой форм. Такие же найдены при раскопках городища Кафыр-Кала на Вахше¹⁶, в верхних слоях селища у Кайновата в Фергане¹⁷, имеются в подъемном материале с поселений Восточного Туркестана¹⁸. Важно отметить, что прямоугольные и полукруглые бляшки из тюркских погребений Сибири и Семиречья (рис. 1, 23—28) тождественны почти всем бляшкам из Согды (рис. 1, 1—6), тогда как такие прямоугольные и полукруглые бляшки с гладкой поверхностью у народов юго-восточной Европы не были распространены.

Бляшки с фестончатым краем из Согды также аналогичны сибирским (Капчалы I; Томский могильник, рис. 1, 29, 30); могильник, раскопанный С. А. Теплоуховым в Минусинской котловине¹⁹ и Семиреченский²⁰.

Овальные узкие с фестончатым краем и продольной рельефной полоской бляшки в Пенджикенте (рис. 1, 19) и в Кафыр-Кале на Вахше²¹ такие

⁶ Л. А. Евтюхова, С. В. Киселев. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. ТГИМ, XVI, М., 1941.

⁷ A. Zakharov. Antiquities of Katanda (Altai). Journal of the Royal Anthropological Institute, IV, January—June, 1925, London.

⁸ Л. А. Евтюхова, С. Киселев. Чаа-тас у села Копены. ТГИМ, XI, М., 1940, рис. 34, 17, табл. IV, 18.

⁹ В. П. Левашова. Два могильника кыргыз-хакасов. МИА, 24, 1952.

¹⁰ А. А. Спицын. Материалы по доисторической археологии России. ЗРАО, XI, 1—2, СПб., 1899.

¹¹ Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата (VI—VIII вв.). ВМГУ, I, 1960, рис. 1, 16; А. Д. Грач. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 г.). Тр. Тув. КАЗЭ, I, М., 1960, рис. 27; его же. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (полевой сезон 1958 г.). Там же.

¹² Г. И. Боровка. Археологическое обследование среднего течения р. Толы. «Северная Монголия», II, Л., 1927; Л. А. Евтюхова. О племенах Центральной Монголии в IX в. СА, 1957, 2, рис. 5, 5.

¹³ Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина», МИА, 14, 1950, стр. 87, 96, 101, 123—126, табл. XLIV, XLV; Я. А. Шер. Погребение с конем в Чуйской долине. СА, 1961, 1.

¹⁴ Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. Тр. Киргизск. АЭЭ, II, М., 1959, рис. 45.

¹⁵ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 532.

¹⁶ Б. А. Литвинский, Э. Гулямова, Т. И. Зеймаль. Работы отряда по сбору материалов для составления археологической карты (1956). ТИИАЭ АН Тадж. ССР, XCI, стр. 147, рис. 8, 6, 7.

¹⁷ Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала ТИИА АН Узб. ССР, IV, Ташкент, 1951, табл. VI, II.

¹⁸ A. Stein. Innermost Asia. Oxford, 1928, табл. CXI, XLVIII.

¹⁹ С. А. Теплоухов. Опыт классификации металлических культур Минусинского края. МЭ, IV, 2, Л., 1929, табл. II, 37.

²⁰ Я. А. Шер. Ук. соч., рис. 2, 1.

²¹ Т. И. Зеймаль. Работы Вахшской группы Хуттальского отряда в 1957 г. ТИИАЭ АН Тадж. ССР, CIII, 5, 1959, стр. 88, рис. 2, 10.

же как в могильниках Таяхта (рис. 1, 41), Монгун-Тайга, Джаргаланты. Бляшки из Монгун-Тайга и Джаргаланты украшали сбрую, а в Туяхте семь таких бляшек украшали второй пояс, к которому был привешен лук. Очень часто бляшки одних и тех же форм шли как на украшение пояса, так и сбруи.

Бронзовые наременные наконечники удлинённой формы с округлым концом и гладкой поверхностью из Согда также находят аналогии в сибирском материале (рис. 2, 12—16; Копенский чаа-тас, Капчалы I, курганы Тувы).

Наконечники с фестончатым краем (рис. 2, 7) похожи на наконечник из кург. № 2 могильника Джаргаланты (рис. 2, 15).

Массивный бронзовый наконечник со схематическим изображением цветка также напоминает центральноазиатские (рис. 2, 12).

Многие поясные пряжки из Согда (рис. 3, 1—20), также как бляшки и наконечники, находят аналогии в тюркских памятниках Семиречья и Сибири (рис. 3, 12—18)²².

Таким образом, мы видим, что части поясного набора из Согда, Семиречья и Сибири очень близки между собой, а в ряде случаев тождественны. Исследователи обычно отмечают близость поясного набора, конской сбруи, оружия и украшений на всей территории степей Евразии. Действительно, наблюдается большое сходство, но выявляются и различия — так, для степей юго-восточной Европы VII—VIII вв.²³ характерны наременные бляшки и наконечники других форм, чем для Сибири и Средней Азии.

Наряду с тюркскими элементами в согдийском наборном поясе есть местные, отличные от центральноазиатских. Так, бляшки с крестообразной прорезью (рис. 4, 1, 2) видимо согдийского происхождения; в Средней Азии они возможно доживают до XI—XII вв.²⁴, а в Сибири такие бляшки неизвестны. К согдийским относится пряжка-подвеска, очень близкая по форме к штампованным орнаментам на керамике из Кафыр-Калы²⁵ (рис. 4, 3).

В Пенджикенте найдены наременный наконечник и бляшка (рис. 1, 4), украшенные рельефным изображением виноградной лозы. Три наконечника с изображением виноградной лозы хранятся в Самаркандском музее (рис. 2, 3, 8, 9). Находки вещей с этим орнаментом для Сибири и Центральной Азии не характерны, хотя в Томском могильнике, например, известна находка наременного наконечника с достаточно реалистическим изображением лозы²⁶.

Тема виноградной лозы хорошо известна в орнаментике раннесредневекового Востока вообще и Согда в частности²⁷. В Согде изображение виноградной лозы есть в живописи на резном дереве и на керамике; в свя-

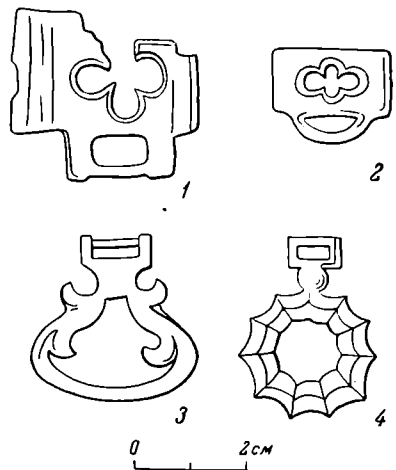

Рис. 4. Детали поясного набора из Пенджикента

²² Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов), Абакан, 1948.

²³ Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры, КСИИМК, 36, 1951, рис. 2; А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник, Тр. XII АС, I, М., 1905, табл. XX, XXXI.

²⁴ Такая бляшка найдена в бадрабе XI—XII вв. в замке Калаи-Боло, но бадраб проходит через слои VII—VIII вв. См. Е. А. Давидович. Раскопки замка Калаи-Боло, МИА, 66, рис. 14.

²⁵ Б. И. Маршак. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII вв., ТОВЭ, 6, Л., 1961, табл. II, ср. рис. 27, с рис. 15.

²⁶ А. А. Спицын. Ук. соч., табл. III, 32.

²⁷ В. Л. Воронина. Архитектурный орнамент древнего Пенджикента. Сб.: «Скульптура и живопись древнего Пенджикента», М., 1959.

зи с этим изображение виноградной лозы на металлических предметах закономерны. Поясной наконечник из Пенджикента²⁸ и один из наконечников Самаркандского музея (рис. 2, 8) полностью совпадают. Орнамент рельефный, отлит в форме. Изгибающийся стебель образует восьмеркообразную фигуру. От стебля отходят в обе стороны пятичастные листья.

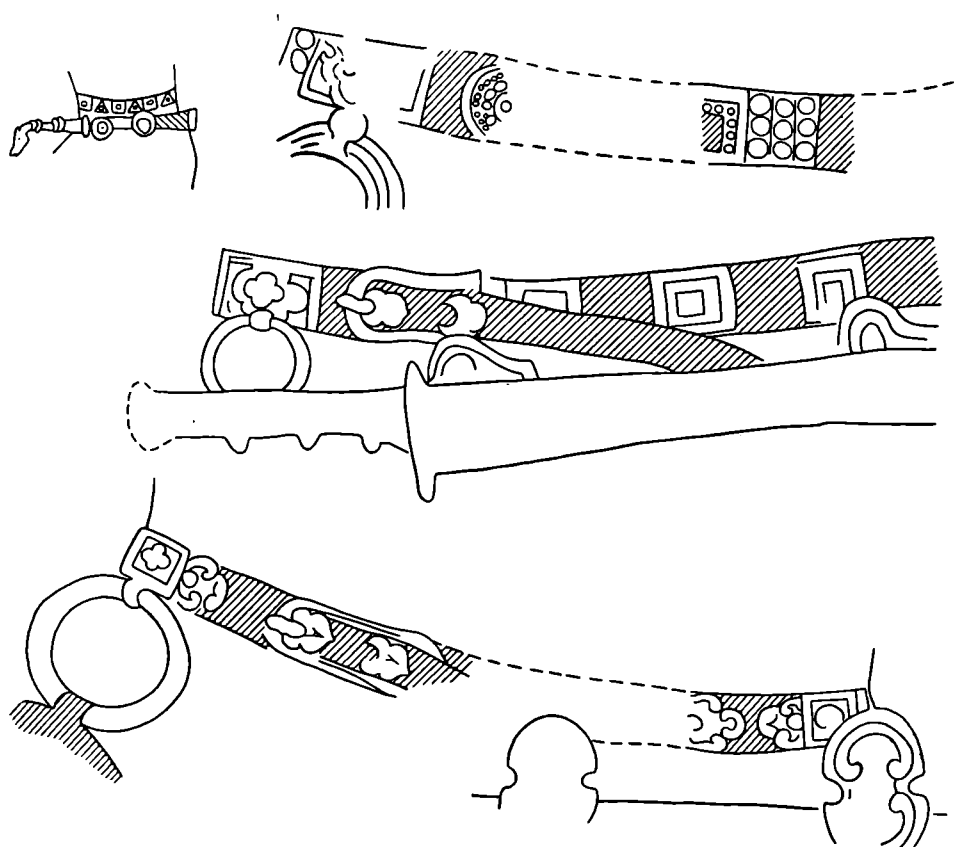

Рис. 5. Схематические прорисовки поясов пенджикентских росписей
1 — помещение № 1 объекта VI, 2 — 4 — помещение № 10 объекта XVI

Другой наконечник Самаркандского музея отличается более стилизованным изображением (рис. 2, 9). Стебель образует петлевидную фигуру, а листья превратились в полупальметы. Своеобразен узкий наконечник Самаркандского музея, обрамленный овальными «перлами»; особенно обращает на себя внимание сложный рисунок листьев (рис. 2, 3). Пенджикентская полукруглая бляшка с изображением лозы идентична бляшке из тюркского погребения на Александровском городище (рис. 1, 25). Такие совпадения неудивительны, если принять во внимание согдийскую колонизацию Семиречья. Бегущая лоза на металлических изделиях из Согда очень похожа на лозу деревянного резного фриз из Пенджикента²⁹. Не только тема виноградной лозы, но и стиль изображения на этих предметах принадлежит согдийской художественной традиции.

Очень своеобразен растительный орнамент наконечников с горы Муг, для которого трудно найти аналогии.

На живописных изображениях Пенджикента знатные мужчины всегда опоясаны желтым поясом, по-видимому, художник имел в виду золотой пояс. Надо отметить, что на живописи детали пояса обычно тщательно

²⁸ А. М. Белевицкий. О раскопках городища древнего Пенджикента в 1956 г., рис. 8.

²⁹ В. Л. Воронина. Ук. соч., рис. 17.

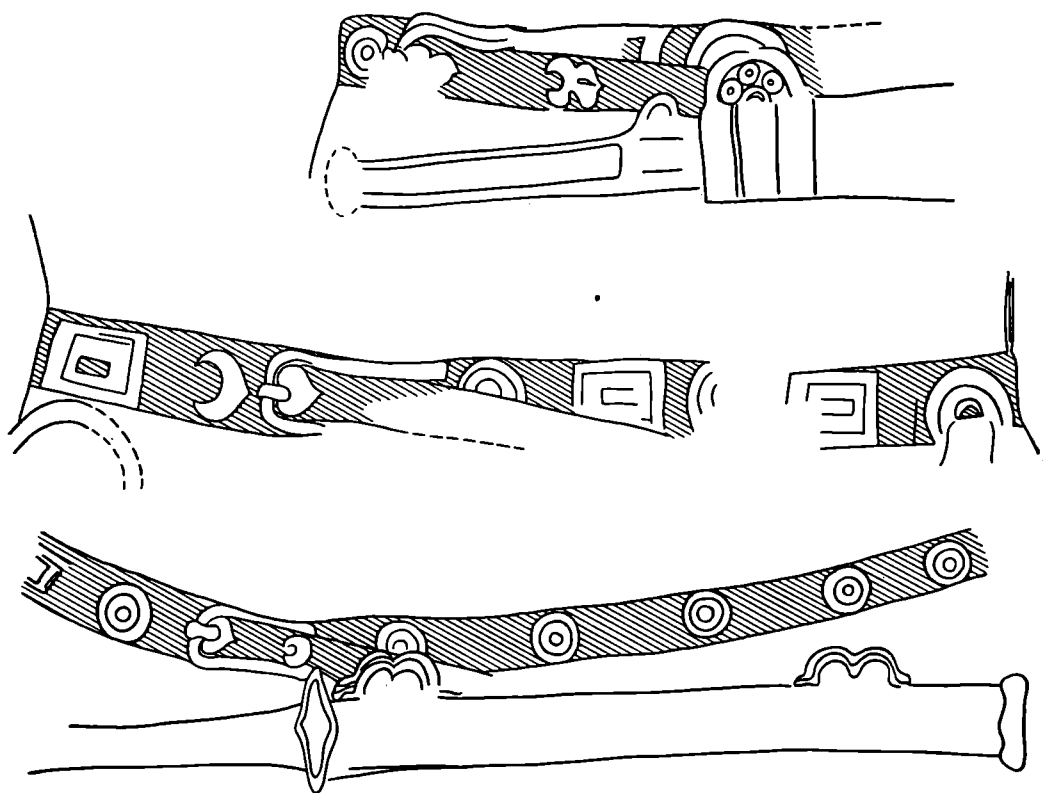

Рис. 6. Схематические прорисовки поясов в росписях помещения № 10 объекта XVI

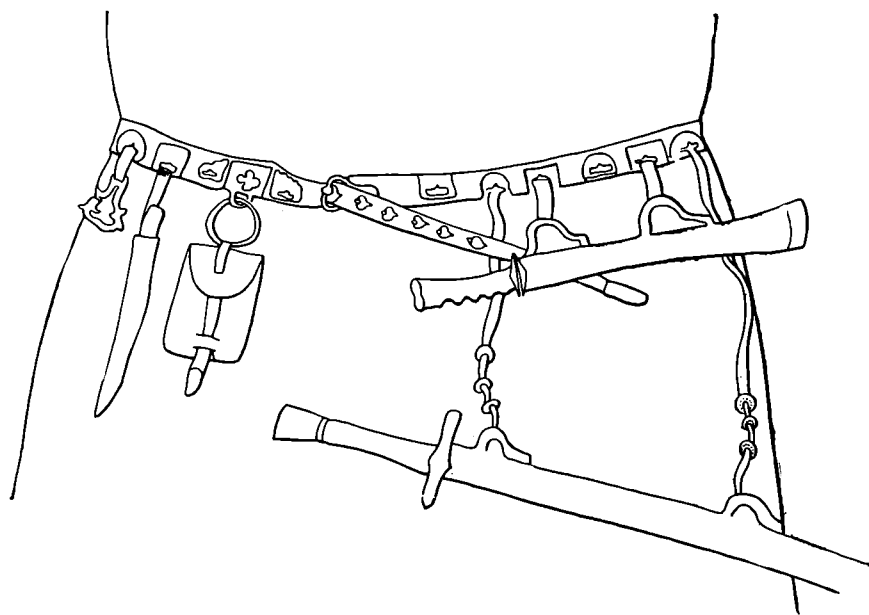

Рис. 7. Вариант реконструкции согдийского пояса

не выписывались. Иногда пояс разделен на квадратики и треугольники с маленькими квадратами внутри³⁰. Видимо, так передавались чередующиеся прямоугольные и полукруглые бляшки. Особенно тщательно изображены пояса в росписи помещения № 10 объекта XVI (рис. 5, 2—4; 6).

³⁰ «Живопись древнего Пенджикента». М., 1954, табл. XXXVI.

По этой росписи мы можем уточнить назначение отдельных накладных бляшек. Так, маленькие сердцевидные и фестончатые бляшки с вырезом на широкой стороне окаймляли отверстия для язычка пряжки и укреплялись на суженном конце ремня³¹. К бляшке с крестовидным вырезом снизу прикреплялось кольцо, к которому подвешивались различные предметы. Бляшки прямоугольные и полукруглые с прорезью также служили для подвешивания. Расположение предметов на поясах близко к расположению их на каменных изваяниях³². Живопись и археологические материалы позволяют наметить несколько вариантов согдийских наборных поясов, один из которых приводится на рис. 7. Богатые пояса, видимо, были украшены жемчугом или драгоценными камнями.

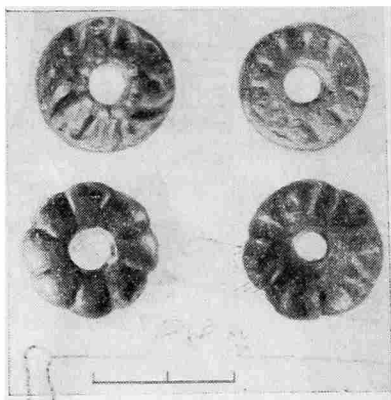

Рис. 8. Бронзовые кружки с отверстием. Пенджикент

Интересен нижний пояс у воинов в сцене поединка — тонкий ремешок с надетыми на него кружками³³. Такие ремешки с кружками встречаются и на других росписях. Не могли ли надеваться на ремешок бронзовые кружки с отверстием, часто орнаментированные, которые в большом количестве найдены в Пенджикенте (рис. 8).

В согдийском поясе прослеживаются два компонента — тюркский и местный. Вещи тюркских типов также изготавливались в Согде, об этом свидетельствуют находки в Пенджикенте литейного брака (пряжка) и бляшек с нерасклепанными шпеньками, которые так и не были прикреплены к поясу.

Если в Согде бытовали тюркские вещи, то и в тюркских памятниках Центральной Азии встречаются вещи согдийского происхождения. Это отмечал уже Л. Р. Кызласов. Так, в раскопанном им поминальном сооружении в Туве найден глиняный кувшин типа согдийских водоносных кувшинов VII—VIII вв.³⁴ Другой кувшин также, по-видимому, согдийский, происходит из могильника Джаргаланты в Монголии³⁵. Эти сосуды, видимо, изготовлены согдийскими колонистами, которые уже с III—IV вв. проникли вплоть до Китая, а в VI—VII вв. основали большие колонии в Центральной Азии. Согдийские поселенцы были тесно связаны с тюрками³⁶.

Тюркские погребения VI—VII вв.

В VII—VIII вв. согдийский наборный пояс был близок к тюркскому. Проследим на археологическом материале более ранний этап проникновения тюркского пояса в Согд. В этом отношении очень важно погребение с конем, раскопанное около обсерватории Улугбека в Самарканде В. И. Спришевским³⁷, который датировал его предположительно середи-

³¹ Так же расположены бляшки на поясе каменного изваяния с тюркской надписью из с. Сурет в 40 км от Джамбула. См. Г. Айдаров. Камень с древней тюркской надписью. Вестн. АН Каз. ССР, 2 (215), Алма-Ата, 1963, стр. 77—79 (на казахск. яз.).

³² Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, МИА, 24; А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы, М., 1961.

³³ Скульптура и живопись древнего Пенджикента. Табл. III.

³⁴ Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата...

³⁵ Л. А. Евтюхова. О племенах Центральной Монголии, рис. 7, 6.

³⁶ Edv. G. Pulleyblank. A Sogdian Colony in Inner Mongolia. «T'oung Pao», XLX, 4—5, Leiden, 1952, стр. 317—356; С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники. М., 1964, гл. III.

³⁷ В. И. Спришевский. Погребение с конем середины I тысячелетия н. э., обнаруженное около обсерватории Улугбека. Тр. Музея истории народов Узбекистана, I, Ташкент, 1951.

ной I тысячелетия. Труположение с конем — обряд, хорошо известный и с ранних времен, характерный для алтайских племен.

Инвентарь, сопровождающий самаркандское погребение, аналогичен инвентарю из погребений конца VI — первой половины VII в. в Кудыргэ³⁸. Железные одноколычатые удила (псалии, видимо, были костяные и не сохранились), железное стремя с выступом на нижней стороне подножья такое же, как и в кудыргинских погребениях.

Бронзовая пряжка с неподвижным щитком, имеющим округлый, с острым выступом посредине конец, с подвижным железным язычком, и бляшки этого погребения находят аналогии в Кудыргэ³⁹. Близкие им пряжки и бляшки происходят из могильников Северного Кавказа и Крыма VI—VII вв.⁴⁰. Интересна бронзовая ажурная бляшка с изображением крылатого мифического животного, обрамленная по краю перлами. Животное напоминает крылатого льва. Эта бляшка также находит прямую аналогию в кудыргинском материале⁴¹. На самаркандской и кудыргинской бляшках совпадает не только поза спокойно идущего влево животного с поднятым хвостом и крыльями, но и сам стиль и детали изображения.

Глиняный кувшин в самаркандском погребении местный, согдийский. Такие кувшины известны в Кала-и-Муг на Магиане⁴², в долине Кашка-Дарьи⁴³. Здесь они бытуют в V—VI вв.

Таким образом, по совокупности всех приведенных данных самаркандское погребение следует датировать второй половиной VI — началом VII в. Погребенный, судя по обряду погребения и инвентарю, — алтайский тюркок. Жил он здесь не один, а со своими соплеменниками, которые и похоронили его, следуя своим обычаям⁴⁴.

Интересно сопоставить это погребение с той частью надписи Кюльтегина, где рассказывается о времени Бумынь-кагана и Истеми-кагана: «Вперед (т. е. на восток) вплоть до Кадырканской черни, назад (т. е. на запад) вплоть до Темир-капыга (до «Железных ворот») они расселили (свой народ). Между (этими) двумя (границами) они так обитали (восседали), устраивая „голубых“ тюрков...»⁴⁵.

Может быть, тюркок из самаркандского погребения был одним из тех, кого поселили в Согде первые каганы Бумынь и Истеми, завоевавшие Среднюю Азию в 60-х годах VI в.

Другим памятником такого типа на этот раз в землях кочевников Средней Азии является раскопанное А. К. Кибировым погребение в кург. № 1 могильника Таш-Тюбе в долине Кара-Куджур, аналогичное по обряду Кудыргэ⁴⁶. Поясной набор из этого погребения состоит из бляшек и наконечников, большинство которых находит аналогии как в сибирском мате-

³⁸ А. А. Гаврилова. Кудыргэ (исследование могильника в связи с историей Алтая VI—XIV вв.). Автореф. канд. дисс., М.—Л., 1951.

³⁹ С. И. Руденко, А. Н. Глухов. Могильник на Алтае. МЭ, III, 2, Л., 1927.

⁴⁰ В. В. Саханов. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—12-х годах. ИАК, 56, Пг. 1914, рис. 20, 2, 11, 14, 17; Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов. ИАК, 19, СПб., 1906, табл. X, 20, 27.

⁴¹ С. И. Руденко, А. М. Глухов. Ук. соч., рис. 9.

⁴² Б. Я. Ставиский. Археологические работы в районе Магиан-Дарьи в 1957—1959 гг. СГЭ, XXI, 1961, стр. 57.

⁴³ С. К. Кабанов. Согдийское здание V в. н. э. в долине р. Кашка-Дарьи (Узбекистан), СА, 1958, 3, рис. 8, 1.

⁴⁴ В Самаркандском погребении человек ориентирован головой на восток, а конь — на запад. Такая ориентировка известна по крайней мере с VII в. Так, в погр. № 8 могильника Капчалы II человеческое погребение ориентировано на юго-восток, а конское — на северо-запад. А. А. Гаврилова относит это погребение к VI—VII вв. (см. А. А. Гаврилова. Ук. соч., стр. 17).

⁴⁵ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 36.

⁴⁶ А. К. Кибиров. Работа Тянь-Шаньского археологического отряда. КСИЭ, XXVI, 1957, стр. 86—87.

риале⁴⁷, так и не в меньшей степени в юго-восточной Европе VI—VII вв.⁴⁸. А. К. Кибиров датировал это погребение VII—IX вв. и связывал его с памятниками тюркоязычных племен Киргизии, Алтая, Тувы и Монголии. На основании аналогий поясу из этого погребения вероятная дата этого кургана — VII век.

Находки из земель по Сыр-Дарье и из Хорезма

В инвентаре Бурджарского могильника в Южном Казахстане имеются части наборного пояса. Могильник издан Е. И. Агеевой и Г. И. Пацевичем, которые датировали его сначала VIII—X вв.⁴⁹, а затем VI—VIII вв.⁵⁰. Бронзовые бляшки и пряжка из этого могильника находят аналогии в памятниках того же круга, что и самаркандские и таш-тубинские, поэтому могильник правильнее датировать VI—VII вв. Обряд погребения в Бурджарском могильнике — труположение на горизонте в прямоугольных паховых склепах — не тюркский, а связанный с обычаями местного населения. В Бурджарском могильнике проявился синкретизм тюркской и местной культур.

Части наборного пояса VI—VII вв. найдены в верхних слоях поселений Джеты-Асар.

Среди подъемного материала с такыров около городищ Топрак-Кала, Беркут-Кала, Нариджан-Баба в Хорезме имеется группа бронзовых вещей от поясного набора, относящихся к VI—VII вв.⁵¹.

А. Стейн собрал на поселениях Восточного Туркестана части тюркских поясных наборов как VI—VII вв., так и VII—VIII вв.⁵².

Характерно, что большинство предметов VI—начала VII в. происходит не из Согда, а из северных и восточных районов Средней Азии, как из памятников кочевников, так и из памятников оседлых народов. В Согде такие вещи найдены только в тюркском погребении. Такое распределение памятников может быть объяснено более ранней тюркизацией земель по Сыр-Дарье. Тюркский язык и письменность проникли в Фергану уже в VI—VII вв., причем памятники тюркской эпиграфики происходят из оседлых поселений и из погребения с местным обрядом⁵³.

Уже в VII—IX вв. складывается культура сыр-дарьинских печенегов, которые сочетали древние местные кангюйские традиции с тюркскими элементами. В низовьях Сыр-Дарьи формируется огузское объединение. Мы не знаем, насколько далеко зашел процесс тюркизации Ферганы, но на Средней и Нижней Сыр-Дарье уже к VIII—IX вв. складываются две тюркоязычные народности — печенеги и огузы⁵⁴. Хорезм в V—VIII вв. теснее всего был связан с Нижней Сыр-Дарьей⁵⁵.

⁴⁷ С. И. Руденко, А. Н. Глухов. Ук. соч., рис. 15, 13.

⁴⁸ В. В. Саханев. Ук. соч., рис. 20, 22; Н. И. Репников. Ук. соч., табл. V, 9, 19.

⁴⁹ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года, ТИИА АН Каз.ССР, I, археология, Алма-Ата, 1956, стр. 53—55.

⁵⁰ Археологическая карта Казахстана (реестр). Алма-Ата, 1960, табл. VII, 151—158, 160, 162—167, 170, 184; стр. 250—251.

⁵¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, рис. 64, 73, 74.

⁵² A. Stein. Ук. соч.

⁵³ Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. ТИИАЭ АН Тадж.ССР, XXXV, Душанбе, 1955, стр. 121—122; Новые эпиграфические находки в Киргизии (1961). Фрунзе, 1962; А. Н. Бернштам. Древнетюркские рунические надписи из Ферганы. ЭВ, XI, 1956, стр. 54—58; С. Г. Кляшторный. Древнетюркская руническая надпись на бронзовом перстне из Ферганы. ТИИАЭ АН Тадж.ССР, СIII; В. И. Козенкова. К вопросу о хумах с захоронениями костей на территории Средней Азии. СА, 1961, 3, стр. 256—257.

⁵⁴ С. П. Толстов. Города гузов. СЭ, 1947, 3; С. Г. Кляшторный. Кангюйская этно-топонимика в орхонских текстах. СЭ, 1951, 3.

⁵⁵ Е. Е. Неразник. Керамика Хорезма афригидского периода. ТХФЭЭ, IV, М., 1959, стр. 260.

Массовое распространение наборных поясов в Согде относится к концу VII—VIII в. Части наборного пояса тюркского типа найдены на поселениях почти всех областей Средней Азии. Так, они встречены при раскопках городища Кафыр-Кала на Вахше, в верхнем слое селища у Кайновата в Фергане, собраны на такырах около Топрак-Калы, Беркут-Калы, Нариджан-Бабы в Хорезме, имеются среди подъемного материала из Восточного Туркестана. Население большей части этих районов оставалось праноязычным, но политические связи тюрков с оседлыми народами Средней Азии, подчинение местных княжеств тюркскому кагану привели к проникновению тюрков в согдийское общество и прежде всего в среду знати. Об этом свидетельствуют документы с горы Муг, связанные с именем Деваштича — правителя Пенджикента и претендента на общесогдийский престол. Предшественником Деваштича на пенджикентском престоле был тюрк, который правил не менее 15 лет⁵⁶. Много тюрков было и в окружении Деваштича⁵⁷.

Деваштич считал себя вассалом кагана. Он писал в одном из писем: «А у меня известия таковы: наши послы сюда спустились и мне от кагана высокий чин и почет принесли. И прибыло также много войск — и тюрки, и китайцы»⁵⁸.

Возможно, что в Согде, помимо отдельных представителей тюркских племен, имелись компактные группы тюркского населения⁵⁹.

Вполне определенные сведения о тюркском населении и даже о тюркских династиях имеются для другой области Мавераннахра — Тохаристана⁶⁰.

Каган западных тюрков Тун-ябгу в начале VII в. дал среднеазиатским владетелям тюркский титул и назначил к ним резидентов⁶¹.

Политический характер связей тюрков и согдийцев, явственно видный по письменным источникам, проявился и в материальной культуре. Тюркское влияние сказалось прежде всего в вещах, связанных с аристократическим и военным бытом. Важно отметить, что это влияние не связано с массовой миграцией. Знатные всадники в тяжелом вооружении, изображенные на пенджикентских фресках, имеют два наборных пояса, узкое изогнутое налучье со спущенными луками, подвешенный на двух ремнях колчан, расширяющийся книзу. Меч подвешен наклонно на двух ремнях. Кинжал всегда висит параллельно поясу. Ноги пенджикентских всадников всегда вдеты в стремяна⁶². Этот тип снаряжения всадника в оседлых районах Средней Азии и Восточного Туркестана постепенно вытесняет, насколько можно судить по изображениям, более ранний тип снаряжения, для которого характерны посадка всадника без стремян, сужающийся вниз колчан и вертикально подвешенный меч⁶³. Для Согды вертикальная подвеска меча засвидетельствована афрасиабской терракотой эфталитского времени⁶⁴. Согдийский тип вооружения VII—VIII вв. относится к тому же кругу, что и вооружение степных народов от Центральной Азии до Вен-

⁵⁶ В. А. Лившиц. Согдийский документ В-4 с горы Муг, ПВ, 1959, 6.

⁵⁷ В. А. Лившиц. Два согдийских документа с горы Муг, ВДИ, 1960, 2; его же. Согдийский брачный контракт начала VIII в. н. э. СЗ, 1960, 5.

⁵⁸ В. А. Лившиц. Три письма с горы Муг, ПВ, 1960, 6.

⁵⁹ В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. ЭВО, VIII, 1893, стр. 9, примеч. 5.

⁶⁰ А. М. Мандельштам. О некоторых вопросах сложения таджикской народности в Среднеазиатском междуречье. СА, XX, 1954, стр. 62—63.

⁶¹ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, I, М.—Л., 1950, стр. 283.

⁶² М. М. Дьяконов. Росписи Пенджикента и живопись Средней Азии. Сб.: «Живопись древнего Пенджикента», стр. 127.

⁶³ A. von Le Coq. Bilderatlas zur Kunst- und Kulturgeschichte Mittel — Asiens. Berlin, 1925, 9, 11, 30, 50, 65.

⁶⁴ Хранится в Гос. Эрмитаже, Афр. 762.

грпп. (Мы оставляем в стороне своеобразные черты оружия каждого народа.)

Металлическая посуда, употреблявшаяся на пирах знати и бывшая излюбленным предметом подношений, также испытывает в это время тюркское влияние⁶⁵.

Особое значение в указанное время придавалось наборным поясам. Золотой пояс был признаком сословной принадлежности среднеазиатской знати. Отношение к поясу как к знаку отличия вообще характерно для этой эпохи⁶⁶. Прокопий Кесарийский (VI в.) сообщает: «В Персии не позволено никому носить ни перстня золотого, ни пояса, ни пряжки, ни чего-либо подобного, если это не пожаловано царем»⁶⁷.

Как показывают рунические эпитафии, материал, число и форма поясных украшений служили знаком отличия: «...Так как у вас было счастье («вам везло»), (памятник вам) водрузили. На поясе луновидную пряжку мы устроили».

«Так как у него была доблесть, то у своего хана мой бег, Аза тутук, достиг пряжки (чиновного пояса)»⁶⁸. На другом памятнике: «Моя героическая доблесть. Мой пояс с сорока двумя (чиновными) пряжками — украшениями!»⁶⁹.

Развитие поясных наборов трудно связывать с традициями отдельных народов⁷⁰.

Конец VII—VIII вв. был рубежом смены поясных наборов на всей территории степей⁷¹. Новые формы появляются вполне сформировавшимися и стандартизированными. Выделяются три основных ареала распространения поясных наборов: Паннония — Аварское государство, Юго-Восточная Европа — Хазарский каганат, Центральная и Средняя Азия — возродившиеся к концу VII в. тюркские государства.

Для конца VI — начала VII в. гораздо труднее проследить локальные отличия между поясными и сбруйными наборами Сибири, Средней Азии и Восточной Европы⁷². Может быть, это единство можно объяснить возникновением в середине VI в. тюркской мировой державы. В VII в. единство распадается почти одновременно с разгромом тюркского государства китайцами.

Для конца VII—VIII вв. поясные наборы Сибири, Семиречья и Согды выделяются в обособленную группу. В VII—VIII вв. новые типы поясных наборов западных и восточных тюрков и их вассалов были близки между собой, но отличались от поясных наборов подданных хазарского кагана. По-видимому, быстрые изменения поясных наборов теснее связаны с судьбами государственных объединений, чем с судьбами отдельных племен.

Культура кочевников влияла не только на культуру подчиненных им земель. Военное превосходство тюркской и аварской конницы заставило

⁶⁵ Б. И. Маршак. Ук. соч.; Г. Айдаров. Камень с древней тюркской надписью, стр. 77—79. Абу-л-Фазл Бейхаки. История Мас'уда. 1030—1041. Ташкент, 1962, стр. 257, 270, 274, 435 и др.

⁶⁶ G. Laszlo. Etudes archeologiques sur l'histoire de societe des avars. АН, XXXIV, Budapest, 1955, стр. 62, 63, 164, 176—178, 181—182; С. А. Плетнева. Подгоровский могильник. СА, 1962, 3, стр. 250.

⁶⁷ Прокопий из Кесарии. История войн с персами. СПб., 1880, 1, 17.

⁶⁸ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, стр. 17, 27, 46, 95, 97. См. рец. А. Шербак. ЭВ, X, 1955, стр. 98—100.

⁶⁹ Там же, стр. 97.

⁷⁰ В. Б. Деопик. Стекланные, каменные и металлические украшения IV—IX веков Северного Кавказа и Крыма как исторический источник. Автореф. канд. дисс. М., 1961.

⁷¹ В. Б. Деопик. Классификация и хронология аланских украшений VI—IX вв. МИА, 114, 1963, стр. 132—133.

⁷² Это сходство так велико, что в начале изучения алтайских древностей высказывалось предположение об импорте с запада поясных наборов и украшений узды в Кудыргэ. М. П. Грязнов. Древние культуры Алтая. Материалы по изучению Сибири, вып. 2, Новосибирск, 1930, стр. 8.

военачальников Ирана и Византии перенимать многие из достижений кочевников⁷³. Так, на рельефах Таки-Бустана сасанидский царь Хосров II в сцене инвентитуры запечатлен в традиционном царском костюме⁷⁴, но тот же царь на нижнем рельефе имеет вооружение кочевническо-среднеазиатского типа: два пояса, расширяющийся книзу колчан, узкое налучье на левом боку⁷⁵. В сценах охоты на кабанов на боковом рельефе на Хосрове II надет наборный пояс с круглыми бляшками и подвесками, имеющими скругленный конец⁷⁶. Аналогии этому поясу, как и всему комплексу вооружения, находим в кочевническом материале не ранее VI в.

Р. Гиршман обратил внимание на наборные пояса персонажей, изображенных на североиранском блюде VIII в., хранящемся в Британском музее, отметив тюркское происхождение этих поясов⁷⁷.

Изображения наборных поясов сохранились в Самарре — центре Аббасидского халифата IX в., где находились казармы тюркской гвардии⁷⁸. В XI в. наборный пояс был знаком различия в войсках и при дворе Газневидов, но и в это время употребление золотых поясов связывалось с тюркским обычаем⁷⁹.

Подведем некоторые итоги.

1. В VI—VII вв. в Средней Азии появляются тюркские погребения с характерными наборными поясами.

2. Части наборного пояса в памятниках местного населения бассейна Сыр-Дарьи и Хорезма известны уже для VI—VII вв.

3. В Согде поясной набор широко распространился в VII—VIII вв. в связи с включением Согда в политическую систему Западно-Тюркского каганата, а затем благодаря тесным связям с Тюркешским каганатом и сближением согдийской и тюркской знати. В VII—VIII вв. поясной набор тюркского типа был распространен по всей Средней Азии.

4. Пенджикентские находки, надежно датированные монетами, важны для уточнения датировок центральноазиатского материала.

5. В конце VII—VIII вв. происходит быстрая смена типов поясных наборов во всем кочевническом мире. В Средней и Центральной Азии распространяются одни и те же типы вещей, тогда как в Юго-Восточной Европе создается весьма отличный комплекс.

⁷³ Маврикий. Тактика и стратегия. СПб., 1903, стр. 17—18, 34, 173; Р. В. Кинжалов, В. Г. Луконин. Памятники культуры сасанидского Ирана. Л., 1960, стр. 10.

⁷⁴ SPA, IV, London — New York, 1938—1939, табл. 1606, 166.

⁷⁵ F. Sarre, E. Herzfeld. Iranische Felsreliefs. Berlin, 1910, табл. XXXVII, XXXIX.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ R. Chirshman. Scènes de banquet sur l'argenterie sassanide, «Artibus Asiae», XVI, 1/2, 1953, стр. 69—70.

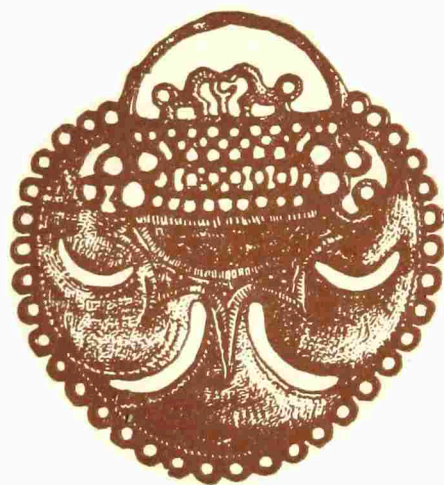
⁷⁸ E. Herzfeld. Malereien von Samarra. Berlin, 1927, табл. LXVI, LXIX, LXV, XLIII.

⁷⁹ Абу-л-Фазл Бейхаки. Ук. соч., стр. 257, 270, 274, 435 и др.

ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ **АРХЕОЛОГИЯ**

2

1985

РАСПОПОВА В. И.

СТЕКЛЯННЫЕ СОСУДЫ С РОСПИСЬЮ ИЗ ПЕНДЖИКЕНТА

В 1961 г. при раскопках объекта VII городища древнего Пенджикента были найдены фрагменты стеклянных сосудов с росписью. На них тогда же обратил внимание А. М. Беленицкий, который в отчете о работах на городище Пенджикента в 1961 г. писал: «Впервые здесь найдены фрагменты полихромных стеклянных сосудов, которые следует датировать более ранним временем, чем массовые находки верхнего горизонта» [1, с. 57]. Стеклянные сосуды с росписью из археологических раскопок раннесредневековых памятников в странах Среднего и Ближнего Востока очень редки, а на территории Средней Азии это пока единственная находка. В Пенджикенте обнаружены фрагменты от трех сосудов (рис. 1, 2). В двух случаях это верхние части чаш с почти вертикальными стенками, третий фрагмент представляет собой стенку, видимо, такого же сосуда. Чаши изготовлены техникой свободного дутья. Одна из них имела диаметр 11 см (рис. 1, 1; 2, 1, 4). Стекло — прекрасной сохранности, не патинизировано, прозрачное, почти бесцветное, чуть голубоватого оттенка, с небольшим количеством мелких пузырьков, тонкое (1–2 мм); у венчика — закраина, отогнутая внутрь сосуда. Орнамент нанесен мягкой кисточкой люстром желтовато-коричневого цвета. Интенсивность цвета того или иного участка рисунка зависит от количества краски. На краю венчика — небольшой кружок; ниже, под ним, — трехчастный лист, вписанный в промежуток между двумя дугами, нанесенными широкими мазками. Под венчиком сосуда на уровне верха листа шла горизонтальная полоска. Дополнительный цветовой эффект создавался тем, что сосуд расписывался как изнутри, так и снаружи. Изнутри нарисованы кружок, лист, дуги (рис. 2, 4). Эти основные пятна были обогащены чуть голубоватым слоем стекла, сквозь которое они видны. Край широких дуг, нанесенных изнутри, обведен снаружи узенькой полоской люстра. Горизонтальная линия под венчиком также нанесена снаружи (рис. 2, 1).

Другая чаша меньше диаметром, чем первая (около 9 см) (рис. 1, 2; 2, 2, 5). К ней относится несколько фрагментов, которые слегка патинизированы. Стекло такое же, как у предыдущей чаши, декор также очень похож. С внутренней стороны у края венчика — кружок, снаружи под венчиком идет горизонтальная полоска. Под этой полоской — подковообразные дуги, нарисованные широким мазком кисти по внутренней стороне чаши. С наружной стороны их контур обведен по краю. Дуги прерываются, не замкнув окружность, следующей горизонтальной полоской, проведенной снаружи. Под верхней горизонтальной полоской, над тем местом, где смыкаются дуги, след, видимо, от трехчастного листа. Внутри дуг — шестилепестковая розетка, нанесенная изнутри, хотя при этом отдельные лепестки обведены и снаружи. От нижней горизонтальной полоски под центрами дуг расходятся под острым углом полосы, нанесенные широким мазком изнутри и о контурные снаружи. Краска более желтоватая, чем на предыдущем сосуде, но это может быть связано с патинизацией стекла.

От третьего сосуда сохранился лишь фрагмент стенки (рис. 1, 3; 2, 3, 6). Стекло и способ нанесения орнамента такие же, как у предыдущих сосудов. Краска идентична краске первой чаши. Снаружи сосуда имеется горизонтальная полоска, выше которой шли, видимо, подковообразные дуги, как у предыдущей чаши. Они нанесены широкими мазками изнутри

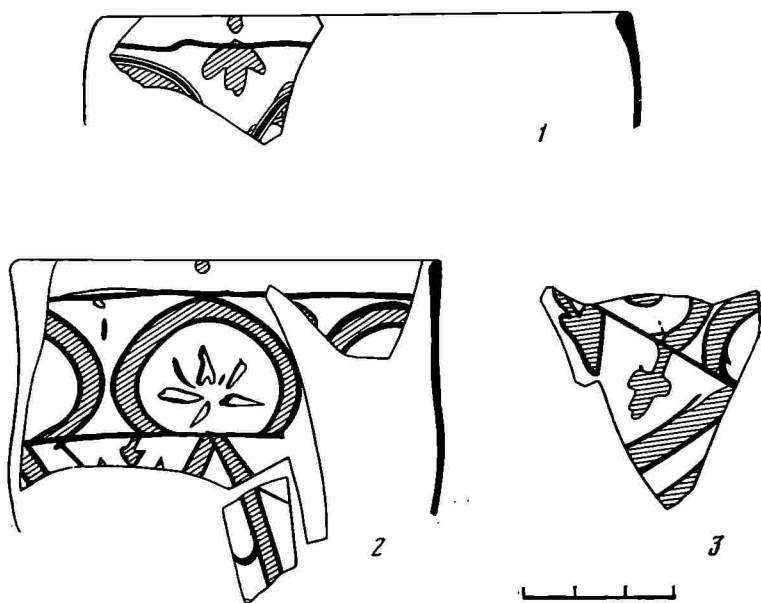

Рис. 1. Пенджикент. Стекланные сосуды с росписью

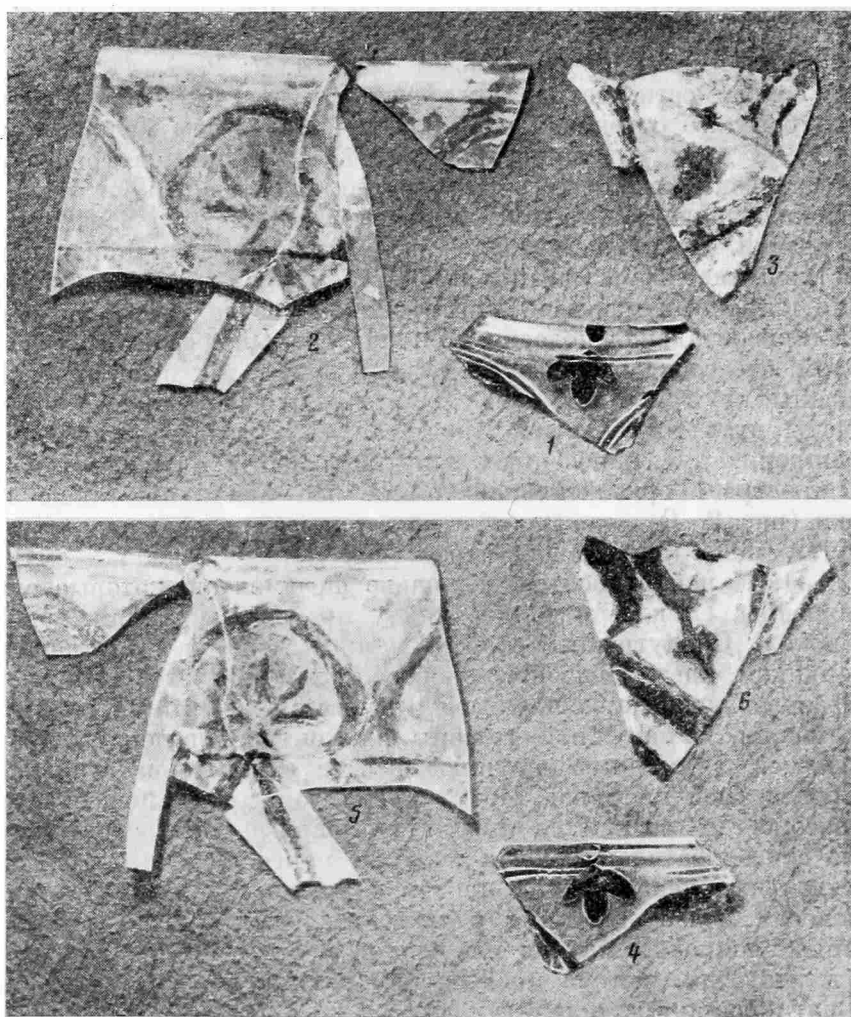

Рис. 2. Пенджикент. Стекланные сосуды с росписью. 1—3 — вид с наружной стороны; 4—6 — вид с внутренней стороны сосудов

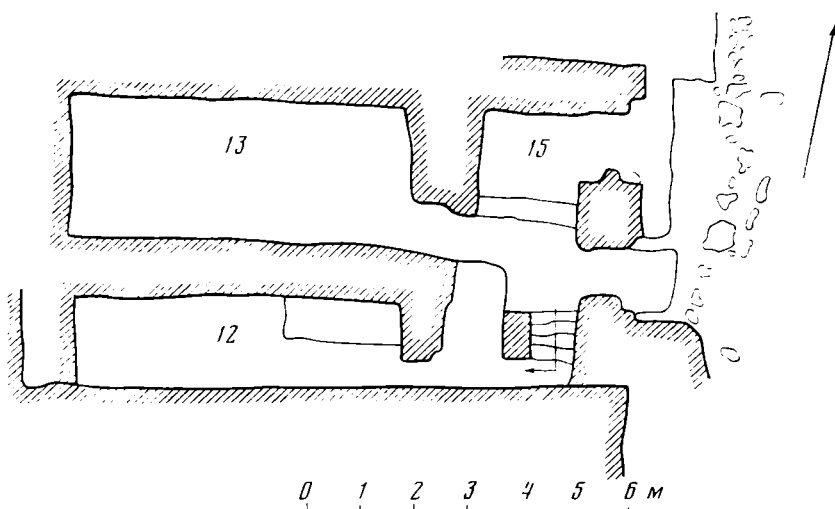

Рис. 3. Пенджикент. Объект VII. План жилища, из которого происходят сосуды

и ооконтурены узенькими полосками краски снаружи. От конца одной из дуг под горизонтальной полоской отходит вниз черенок трехчастного листа, с обеих сторон которого идут, сходясь под листом, широкие прямые линии, нанесенные изнутри и ооконтуренные по краю снаружи. В одной из дуг след от розетки (?). Стекло, краска, характер нанесения декора, его элементы всех фрагментов идентичны. Создается впечатление, что все три сосуда расписаны в одной мастерской.

Перейдем теперь к условиям находки. Фрагменты сосудов были обнаружены все вместе в завале помещения 15 объекта VII, на глубине 1,40 м от дневной поверхности. Помещение 15 занимало северо-восточный угол небольшого жилища, состоящего из двух сводчатых помещений (№ 12 и 13), расположенных параллельно, и вестибюля с лестницей перед ними (рис. 3). Через вестибюль попадали в дом с улицы. Между вестибюлем и помещением 15 была дверь, о чем свидетельствует наличие гнезда от бруса порога. Помещение 15 имело также самостоятельный выход на улицу. Размеры его невелики — чуть больше 3,5 м². Оно было скорее всего лавочкой. Следует отметить, что это — редчайший случай в Пенджикенте, когда лавочка или мастерская имеет проход в жилище. Жилище принадлежало ремесленнику или мелкому торговцу. Оно очень похоже на ранее исследованные дома рядовых горожан Пенджикента [2, с. 244—264; 3, с. 169—182]. Размеры его следующие: площадь, занятая под жилище, — около 70, полезная площадь помещений первого этажа — 38 м². В жилище были еще и помещения верхнего этажа, в которые попадали по лестнице. Обломки сосудов найдены на глубине 1,40 м от дневной поверхности, т. е. примерно на 1—1,5 м выше пола помещения. Можно думать, что в лавке была ниша или полка, где хранились чаши и откуда они упали. Не исключена возможность их попадания в слой при разрушении второго этажа, где они также могли находиться. Кроме сосудов с росписью в помещении 15 на полу были найдены фрагмент верха баночки из прозрачного бесцветного стекла и фрагмент дна сосуда из голубого прозрачного стекла, изготовленного техникой «тихого» дутья в узорчатую форму (мелкие круги).

Вполне вероятно, что в этом скромном доме проживал мелкий торговец, который торговал в лавочке, выходящей на широкую улицу, причем одним из его товаров были стеклянные сосуды. В исследуемом доме не зафиксировано никаких следов ремесленного производства. Следовательно, найденные здесь сосуды из стекла изготовлены где-то в другом месте. Как показывает изучение мастерских, связанных с ремеслами, от которых остаются остатки оборудования, фиксируемые при раскопках (плавильни, кузницы, бронзолитейни, хлебопекарни), в раннесредневековом согдийском городе ремесленник и торговец обычно сочетались в одном

лице [4, с. 54]. В Пенджикенте раскопана стеклодельная мастерская [5, с. 163—166]. Она находилась в пригороде. Дом, при котором она была, датируется временем не ранее конца VII вв. — не позже середины VIII в. [5, с. 165]. Продукция этой мастерской реализовалась скорее всего в городе. Мастер мог арендовать лавочку на торговой улице или на базаре. Было бы заманчиво предположить, что продукция стеклодельной мастерской продавалась в лавочке, расположенной в помещении 15 объекта VII. Но в данном случае в лавке торговал владелец дома в городе, так как лавочка связана проходом с жилищем. Кроме того, сосуды из стекла с росписью, найденные в этой лавочке, как мы попытаемся показать, не пенджикентского производства, а привозные.

Приведем теперь нумизматические и стратиграфические данные, позволяющие датировать слой, из которого происходят фрагменты сосудов. Прежде всего рассмотрим монеты. Здесь следует оговорить, что на согдийских монетах имеется лишь имя правителя, их выпустившего, но нет даты. Даты для большинства монет установлены О. И. Смирновой на основании отождествления правителей, имена которых имеются на монетах, с правителями, известными по письменным источникам [6, с. 10—43]. Даты некоторых монет уточнены в результате изучения условий их находок на городищах Согда [7]. В результате установлены следующие даты монет, о которых пойдет речь: Вархуман — вторая половина VII в.; Бидйан (Бильге) — рубеж VII—VIII вв.; Рамчитак — не позже рубежа VII—VIII вв.; самитанские монеты — конец VII — начало VIII в.; пенджикентская царица — первая четверть VII в.; Тургар — 738—750 (?) гг.

На полу жилища, в состав которого входит помещение 15, найдены следующие монеты: в помещении 12 — Бидйан (Бильге) (2 экз.), монета с погрудным изображением правителя [8, с. 100, № 40, табл. II]; на полу пандуса — монета Бидйана (Бильге); на полу у входа на лестницу — самитанская монета; на суфе помещения 15 — Вархумана, Бидйана (Бильге), Рамчитака. Таким образом, на полах помещений нет ни одной монеты позже начала VIII в.

Рассмотрим теперь нумизматический материал, происходящий из завалов помещений. В помещении 12, в завале в 1,5 м над полом, найдена монета пенджикентской царицы, в завале в 2,3 м от поверхности — монеты Бидйана (Бильге) и пенджикентской царицы, на глубине 1,8 м от поверхности — монета Тургара II типа. В завале помещения 13 обнаружена лишь монета пенджикентской царицы. Из завала помещения 15, с глубины 1,4 м от поверхности, т. е. с той же глубины, что и фрагменты стеклянных сосудов, происходят монеты Бидйана (Бильге) (2 экз.), пенджикентской царицы (4 экз.), согдийская неопределенная с квадратным отверстием. В завале помещения 15 на глубине 0,5 м от пола найдена монета Вархумана. Суммируя все данные, можно сказать, что нумизматический материал, за исключением одной монеты Тургара, укладывается в рамки конца VII — первой четверти VIII в.

К югу от жилища, в котором найдены фрагменты стеклянных сосудов, расположен самый крупный дом квартала. На полу большого парадного зала этого дома-дворца найдена монета Тургара. Дом претерпел пожар, относящийся к 722 г., после него он был восстановлен в середине VIII в. почти с былым величием. Полы помещений 12, 13, 15 находятся на 2,5 м ниже верхних полов помещений дома-дворца. При восстановлении соседних домов квартала в середине VIII в. развалины жилища с лавочкой не расчищались. При раскопках в 1961 г. участки свода помещения 12 стояли *in situ*. Это обстоятельство не позволяет исключить возможности попадания фрагментов сосудов в развалины помещения 15 из соседнего дома, который был восстановлен в середине VIII в.

Последнее предположение вполне вероятно. В отчете А. М. Беленицкого о раскопках этого жилища отмечается следующее: «Среди находок обращают на себя внимание кости животных, в том числе и черепа собак, коровы, обычно редко встречающиеся на городище» [1, с. 57]. На основании этих находок А. М. Беленицкий высказал предположение, что «помещениями нижнего горизонта пользовались и жители здания верхнего

горизонта, для которых они служили подвалами» [1, с. 57]. Вероятно, развалины этих помещений были использованы в качестве места свалки.

Таким образом, из всего сказанного выше следует, что: 1) стеклянные сосуды с росписью могли попасть в завал помещения 15 при разрушении дома из ниши (или с полки) лавочки или со второго этажа (в этом случае их следует датировать не позднее первой четверти VIII в.), 2) они были выброшены на свалку, образовавшуюся в развалинах жилища в 40–50-е годы VIII в. Более поздних материалов на этом участке городища обнаружено не было.

Найденные в Пенджикенте сосуды имеют немалое историко-культурное значение. Традиция расписывания стеклянных сосудов восходит к античности. Такие сосуды были известны и в Средней Азии. Недавно опубликованы фрагменты позднеантичного расписного стекла, найденные в храмовом комплексе на городище Топрак-кала и относящиеся к IV–V вв. [9, с. 117–119, рис. 58]. В начале средневековья стекло с росписью производили в Египте и Сирии. Раннесредневековое стекло отличается от античного по технике росписи и орнаментам.

Чаши с росписью, найденные в Пенджикенте, хорошо вписываются в круг стекол, производившихся в Египте и Сирии. Решить вопрос, из какого центра были импортированы сосуды, могут помочь технологические особенности их изготовления. На пенджикентских сосудах краска плотно соединена со стеклом, что достигнуто обжигом сосуда после расписывания. При такой технике употребляли эмаль или люстр. Известный исследователь средневековой керамики Востока Р. Хобсон дает следующее описание люстра: «Люстр образуется расписыванием глазурированной поверхности пигментом, содержащим соли металлов (меди, серебра и, может быть, других металлов), которые при обжиге при низкой температуре в специальных горнах оставляли тонкую пленку металла на глазури. Если пленка была достаточно тонкой, то свет проникал сквозь нее и люстр давал радужный отблеск» [10, с. 3, прим. 2]. Это — описание люстра на керамике, но в принципе нет большой разницы между расписыванием глазурированной керамики и стекла.

Оттенки росписи и способ ее нанесения на сосудах из Пенджикента дают основания предположить, что они расписаны люстром. Результаты спектрального анализа этих сосудов, который провел В. А. Галибин, показали, что в состав краски, которой расписаны сосуды, входили соли серебра. На стеклах, происходящих из археологических раскопок, трудно различить люстровый блеск. Прав был основоположник изучения средневекового восточного стеклоделия К. Ламм, говоря что трудно провести границу между люстром и лишенной особого блеска краской, поскольку блеск нередко теряется со временем из-за состояния предмета. Поэтому К. Ламм считает, что лучше не употреблять термин «псевдолюстр», а писать «люстр» даже тогда, когда нет специфического блеска [11, с. 20, 21].

Исследователи предполагают, что люстр был изобретен египетскими стеклоделами, возможно, еще в IV в. н. э. [11]. Росписи эмалями процветали уже в Римском Египте. Стекла с росписью люстром эпохи раннего средневековья, происходящего с территории Египта, довольно много, но все оно, за одним исключением, не имеет надежных археологических привязок. Даты обычно даются на основании стилистического анализа. Следует отметить, что в раннем египетском материале нет двух идентичных сосудов; каждый из них уникален. Ряд фрагментов сосудов с росписью, похожих на пенджикентские, опубликован К. Ламмом [11, табл. VI, VII, 1, 5, 6, табл. X, 4; 12, табл. A, 2; B, 11; табл. 37, 1]. На основании стилистического анализа они датированы в пределах VI–VIII вв.

Для нас очень важно наблюдение К. Ламма, что на египетских сосудах в большинстве случаев основные узоры писались на внутренней стороне, тогда как на внешней стороне имела место линейная проработка рисунка [11, с. 21]. На сосудах из Пенджикента орнамент также нанесен по внутренней стороне, а по внешней лишь подчеркнут тонкими линиями.

Единственный сосуд с люстровой росписью, найденный в Египте при научных раскопках в закрытом археологическом комплексе, происходит из Фустата [13, с. 191–195]. Это чаша открытой формы (диаметром 13,5, высотой 9 см), которая, возможно, имела ножку. Розетка на дне и средний регистр орнамента нанесены изнутри сосуда, тогда как фриз из девятилопастных пальметок среди побега и пояс с надписью нанесены снаружи. Судя по цветной фотографии, опубликованной в статье Т. Скэнлона, стекло этого сосуда чуть голубоватое, прозрачное, люстр — рыжеватого-коричневого цвета. Сосуд датируется по имени наместника Египта Абд ас-Самада бен Алп, названного в надписи на сосуде. Он правил в 772/3 г. (155 г. х.) [13, с. 195]. С находкой этого сосуда вопрос об египетском происхождении люстровой росписи по стеклу получил новое подтверждение. Попутно заметим, что Хайят Салам-Либих — исследовательница стекла, найденного при раскопках Каср ал-Хайр Восточного в Сирии, объявляет точку зрения К. Ламма устаревшей и опровергнутой новыми сирийскими находками [14, с. 14, 220, прим. 30]. Однако в Сирии пока не найдено достоверно датированных VIII в. стекол с росписью люстром. В Ракке, основанной Мансуром в 772 г. и ставшей резиденцией Харун ал-Рашида в 796 г., как отмечает Х. Салам-Либих, были обнаружены материалы, доказывающие, что с IX в. здесь был важнейший центр производства стекла [14, с. 138]. Люстровое стекло из Каср ал-Хайр, происходящее из банн, построенной в VIII в., найдено в стратиграфически не вполне ясных условиях и датируется исследовательницей на основании аналогий из Ракки IX в. [14, с. 138, 140]. В аббасидское время такие сосуды делали и в Дамаске. В Ракке найдена люстровая чаша с надписью, свидетельствующей, что она изготовлена в Дамаске [14, с. 140].

Таким образом, сосуды из Пенджикента — самые ранние из найденных при раскопках, так как они происходят из слоя не позднее середины VIII в. Возможна их более ранняя дата.

Наиболее близкую аналогию пенджикентской чаше, украшенной трилистником, мы находим в Двине. Стекло и здесь, и там прозрачное, чуть голубоватое, похоже прорисованы трилистники [15, верхний ряд на табл. № 34, 53].

Встает вопрос: где были изготовлены сосуды, найденные в Пенджикенте? Ответить на него однозначно — трудно. Сейчас у нас имеются лишь материалы, указывающие на близость пенджикентских находок к египетскому стеклу. Вероятно, они были привезены из Египта.

Стекло хорошего качества в эпоху раннего средневековья очень ценилось на Востоке¹. Прекрасные образцы стеклянной посуды VIII в. сохранились в Японии, в императорской сокровищнице Шосоине. В танском Китае не умели делать сосуды из тонкого прозрачного стекла. Такое стекло, попадавшее в Китай, вызывало восхищение. Так, крупный фармаколог VIII в. Чэнь Цанци свидетельствует: «Оно является драгоценностью западных стран и сродни яшме и другим камням. Оно рождается внутри земли, а некоторые говорят, что оно есть вода, преобразившаяся за тысячу лет; но трудно поверить, что это так» [17, с. 312].

В числе подношений к танскому двору были стеклянные предметы: в 643 г. царь Рума прислал красное и зеленое стекло, каменную зелень (малахит) и «сущность металла», в 675 г. из Ферганы — боли (тонкое дутое стекло) цвета индиго, в 730 и 741 гг. из Тохаристана — сердолик и боли (розовое и синее), в 761 г. вновь из Ферганы — боли цвета индиго [17, с. 579–583].

Из этого следует, что в VII–VIII вв. стекло возили на довольно большие расстояния. Издалека могли попасть в Пенджикент и эти красивые чаши из стекла очень хорошего качества. О существовании торговых связей тогда с Византией и Египтом известно как по письменным источникам, так и по археологическим материалам.

¹ О. Г. Большаков приводит свидетельство Абу-л-Фазл Бейхаки, что в начале XI в. в Нишапуре багдадский стакан стоил динар [16, с. 285].

А. А. Иерусалимской установлено, что среди тканей, найденных на горе Муг, есть шелковый фрагмент из Антинои [18, 19, с. 119—126]. На росписях Балалык-тепе (конец VI — начало VII в.) изображены египетские и византийские ткани [20, рис. 21, 3]. На росписях Афрасиаба (третья четверть VII в.) представлены три вида тканей, известных по находкам в Антиное [20, с. 38]. На росписях Варахши и Пенджикента также представлены ткани византийско-египетского круга.

С караванами из Египта могли прибывать не только товары, но и мастера. Однако сама уникальность находки делает маловероятным такое предположение.

В результате всего вышеизложенного наиболее вероятным представляется, что сосуды происходят из лавки, где в первой четверти VIII в. торговали заморскими редкостями, столь ценными в аристократической среде согдийского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беленицкий А. М. Работы Пенджикентского отряда в 1961 г.— АРТ, вып. IX, 1961. Душанбе, 1964.
2. Зеймаль Е. В. Раскопки на объекте XIV на Пенджикентском городище (1956 и 1957 гг.).— МИА, 1964, № 124.
3. Распопова В. И. Квартал жилищ рядовых горожан Пенджикента.— СА, 1969, № 1.
4. Распопова В. И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 1980.
5. Большаков О. Г., Негматов Н. Н. Раскопки в пригороде древнего Пенджикента.— МИА, 1958, № 66.
6. Смирнова О. И. Каталог монет с городища древнего Пенджикента. М.: Наука, 1963.
7. Беленицкий А. М., Распопова В. И. К вопросу об уточнении датировок согдийских монет.— КСИА, 1981, вып. 167.
8. Смирнова О. И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М.: Наука, 1981.
9. Трудиновская С. А. Предметы вооружения и быта. Украшения.— ТХАЭЭ, 1981, т. XII.
10. Hobson R. L. British Museum. A Guide to the Islamic Pottery of the Near East. L., 1932.
11. Lamt C. J. Oriental glass of mediaeval date found in Sweden and the early history of lustre-painting. Stockholm, 1941.
12. Lamt C. J. Mittelalterliche Gläser und Steinschnittarbeiten aus Nahen Osten. B. I, II. B., 1929, 1930.
13. Scanlon G. T. Fustat and the Islamic Art of Egypt.— Archaeology, 1968, June, v. 21, № 3.
14. Salam-Liebich H. Glass.— In: Grabar O., Holod R., Knustad J., Trousdale W. City in the desert. Qasr al-Hayr East. Cambridge, Massachusetts, 1978.
15. Джанполадян Р. М. Средневековое стекло Двина IX—XIII вв. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1974.
16. Беленицкий А. М., Бенгович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973.
17. Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М.: Наука, 1981.
18. Иерусалимская А. А. «Великий шелковый путь» и Северный Кавказ (К выставке «Сокровища искусства Древнего Ирана, Кавказа и Средней Азии»). Л.: Гос. Эрмитаж, 1972.
19. Иерусалимская А. А. К вопросу о связях Согда с Византией и Египтом.— НАА, 1967, № 3.
20. Иерусалимская А. А. К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде.— В кн.: Средняя Азия и Иран. Л.: Аврора, 1972.

V. I. Raspopova

GLASS PAINTED VESSELS FROM PENDJIKENT

Summary

In 1961, diggings of a dwelling consisting of a hall with a staircase, two vaulted chambers and a small shop connected by corridors with the living part and the street yielded fragments of three glass vessels found in the ruins of the shop. The slightly bluish glass is transparent. The yellowish-brown lustre covering the inner surface of the vessels forms an ornament which is marked with contour lines on the outer surface. They are dated to not later than the 8th century, the earlier date is not excluded. The

Pendjikent vessels are very close to those imported from Egypt. In general, the existence of trade ties between Sogdiana and Byzantium and Egypt is testified to by both written and archaeological sources. The vessels were, most probably, brought to the small shop in Pendjikent from Egypt in the first half of the 8th century, among other overseas rarities highly valued by the Sogdianian aristocracy.

ГАЛИБИН В. А.

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ СТЕКЛА ФРАГМЕНТОВ РАСПИСНЫХ СОСУДОВ ИЗ ПЕНДЖИКЕНТА

Фрагменты сосудов были подвергнуты количественному спектральному анализу. Были сделаны анализы чистого стекла и с включением слоя, окрашенного «люстром», чтобы выяснить характер красителя. При рассматривании скола стекла при увеличении видно, что краситель проникает в стекло на некоторую глубину, образуя светло-коричневый оттенок. Очевидно, чтобы закрепить нанесенный на поверхность стекла рисунок, сосуд нагревали. Составы всех трех фрагментов оказались практически идентичными (интервал содержаний в %):

SiO ₂ — основа	Fe ₂ O ₃ — 0,6—0,85
Na ₂ O — 9—12	MnO — 0,025—0,04
K ₂ O — 1,8—2,2	TiO ₂ — 0,11—0,18
CaO — 14—18	PbO — 0,004—0,015
MgO — 0,4—0,45	CuO — 0,005—0,015
Al ₂ O ₃ — 3,0—3,5	SnO ₂ — 0,003—0,0045

В пробах с окрашенным слоем анализ показал присутствие серебра (0,1—0,5%). Известно, что металлическое серебро в коллоидном состоянии придает стеклу коричневый цвет.

Идентичность состава фрагментов сосудов свидетельствует о том, что они изготовлены скорее всего в одной мастерской. По химическому типу стекла — Si—Na(K)—Ca — видно, что сырьем для его варки послужила смесь песка, золы и извести. Отсутствие данных для сравнения не позволяет определить центр его производства. Сравнение с составом стекла бесцветных сосудов, найденных в Пенджикенте в других комплексах того же времени, показывает их явное различие. В последних содержание магния в 10 раз больше. Кроме того, в них в качестве обесцвечивателя используется марганец (0,5—2%). В этих же фрагментах марганец содержится только как примесь к сырью.